

УДК 320 (575.2) (04)

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
КАК ОСНОВА ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИИ**

В.А. Харченко

Рассматриваются на примере полиэтничных регионов Южного федерального округа РФ и ряда населенных пунктов Киргизстана факторы, способствующие как развитию локальных межэтнических конфликтов, так и их предотвращению.

Ключевые слова: локальный межэтнический конфликт; практическая конфликтология; негативные этнические стереотипы и установки; принимающее сообщество.

Формирование новых Независимых Государств на постсоветском пространстве в ряде случаев происходит на фоне системных кризисов и сопровождается ростом конфликтного потенциала. Как показывает опыт, по-прежнему сильным является искушение сместить акценты в сторону представителей иноэтничной части населения, переложив на неё “вину” за проблемы в экономической, политической и социальной сферах. Поиск “виновного”, как правило, приводит к возникновению локальных межэтнических конфликтов, дополнительно обостряющих ситуацию в том или ином регионе.

Практическая работа в конфликтных районах и обобщение опыта урегулирования локальных конфликтов привели к заключению о том, что управление межэтническими конфликтами предполагает, прежде всего, их предупреждение, необходимыми элементами которого являются разрушение негативных этнических стереотипов и специализированное этнологическое и конфликтологическое обучение администраторов населенных пунктов с полиэтничным составом [1, с. 75].

Негативные этнические стереотипы и установки способствуют быстрой политизации конфликтов. Опыт исследований, проведенных нами в регионах, где имели место локальные межэтнические конфликты, показывают, что факторами формирования таких установок среди местных жителей являются следующие:

1) сохранение негативных этнических стереотипов, усилению которых способствует тиражирование установок о том, что выдавливание иноэтничного населения якобы благотворно скажется на ситуации в регионе, а в условиях

дефицита пахотных земель обеспечит их переход в распоряжение местного сообщества, улучшит ситуацию в сфере обеспеченности жильем. Указанные факторы мобилизуют молодежные движения националистической направленности, действия которых достаточно быстро приобретают межнациональный характер. Особый сюжет – структура занятости населения. В связи с сокращением объемов производства, развитием сферы услуг, занятость населения в целом имеет тенденцию к снижению, продолжается процесс сокращения занятых в государственном и аграрном секторах экономики.

Проблема заключается также в том, что сокращение занятости и уровня доходов наиболее болезненно воспринимается постоянным (старожильческим) населением, тем более, если это происходит на фоне достаточной экономической успешности части иноэтничных групп, прибывших в регион в результате миграционных процессов. Именно этот факт и психологический механизм социального сравнения являются основой межэтнической напряженности на бытовом уровне;

2) сохранение этнокультурной дистанции между представителями различных этнических групп, различие в образе жизни, культуре, обычаях нередко формируют комплекс проблем, существенно осложняющих взаимоотношения внутри местного сообщества. Принципиальными остаются конфликты, вызванные притоком беженцев из “горячих точек”. Этот вид миграции, как правило, формирует дополнительное межэтническое напряжение, создает проблемы в сфере межкультурного взаимодействия;

3) этническая преступность, присутствие которой фиксируется в различных регионах страны и существенно осложняет интеграцию мигрантов в местное сообщество.

В стереотипах фиксируется этнопсихологическое состояние населения, которое, с одной стороны, определяется текущими этническими процессами, а с другой, характеризует готовность населения воспринять те или иные политические лозунги лидеров общественных движений.

В рамках исследовательского проекта, направленного на выяснение ситуации в регионах с полиэтничным населением, автор принимал участие в проведении соцопроса в ряде населенных пунктов Ростовской области (Россия), где конфликтные ситуации возникали вокруг двух сообществ, представители которых наиболее часто вступали в конфликты – местного населения и чеченцев-мигрантов из Чеченской Республики. Опрос проводился “Экспертно-консультативным советом по урегулированию межэтнических конфликтов” по заказу Кавказского форума НПО. Результаты опубликованы в книге “Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. Опыт социологического анализа” [2, с. 117–140]. С целью анализа стереотипов этнического восприятия указанных этнических групп были опрошены 150 русских и 50 чеченцев, проживающих в Ростовской области [2, с. 121].

Большая часть опрошенных – молодежь в возрасте до 30 лет (68% русских и 62% чеченцев), поскольку именно они составляют основной конфликтный контингент в области.

Результаты опроса показали, что социально-психологические портреты, данные группами респондентов друг другу, свидетельствуют о достаточно большой психологической напряженности в общении принимающего сообщества к мигрантам. Очевидно, что такое восприятие друг друга не способствует взаимному уважению и нормальной интеграции чеченцев в принимающее сообщество. Исследования наглядно свидетельствуют, что формирование негативных этнических стереотипов, потенциальная готовность части населения к действиям протестного характера против иноэтничной среды, запоздалая и неадекватная реакция региональных органов власти формируют пирамиду, нередко завершающуюся локальным межэтническим конфликтом.

Автор на протяжении ряда лет изучает локальные межэтнические конфликты, поскольку их актуальность, к сожалению, ежедневно подтверждается практикой.

Не являются исключением и государства Центральноазиатского региона, где, по мнению

ряда исследователей, наличие конфликтогенного потенциала можно объяснить тем, что в настоящее время большинство народов Центральной Азии находятся в начале пути к своей новой ментальности, обогащенной прошлым и настоящим опытом. В связи с этим Л. Лыскова, в частности, полагает, что напряженность в сфере межэтнических взаимодействий, по всей видимости, будет сохраняться, а в некоторых аспектах даже нарастать, так как в ходе обострения межэтнических противоречий создаются благоприятные условия для применения насилия участниками по отношению друг к другу, то есть происходит переход к непосредственным конфликтным действиям, что означает вступление конфликта в свою открытую, явную и обычно наиболее острую стадию, протекающую на ярко выраженном эмоциональном фоне [3, с. 151].

С начала 2000 гг. и до настоящего времени на территории Киргизской Республики зафиксирован ряд конфликтных ситуаций, которые в оценках экспертов были квалифицированы как столкновения на межэтнической почве.

К числу наиболее резонансных межэтнических конфликтов, отмеченных в последнее время в Киргизстане, местные и международные наблюдатели отнесли конфликт в с. Петровка (апрель 2009 г.) и узбекско-киргизское противостояние в Джалал-Абаде в мае 2010 г. Оценки многочисленных экспертов из числа представителей органов власти, политпартий, неправительственных организаций, средств массовой информации Киргизстана в целом подтверждают, что приведенные нами факторы формирования негативных этнических установок среди местных жителей имели место и в данном случае.

Поводом для массовых беспорядков в с. Петровка Московского района Чуйской области послужили насильственные действия в отношении 4-летней девочки со стороны местного жителя – курда по национальности. Возмущенные сельчане, в основном этнические киргизы и русские, вышли на улицы и разгромили более 15 домов курдов, сожгли несколько автомашин [4].

По словам экс-председателя Ассамблеи народа Киргизстана Ж. Тюменбаевой, “конфликт здесь назревал давно, в этом виноваты местные и правоохранительные органы” [5]. Подтверждением неэффективности действий местных властей стало экстренное совещание с участием руководителей силовых ведомств, состоявшееся у бывшего президента страны 27 апреля 2009 г. В связи с напряженной ситуацией в с. Петровка К. Бакиев освободил от занимаемых должностей начальника местного РОВД и прокурора Мо-

сковского района Чуйской области Кыргызстана. Глава государства назвал действия чиновников по разрешению ситуации в с. Петровка “преступной халатностью, граничащей с соучастием” [6].

Необходимо отметить, что и в этом случае прозвучали “классические” для локальных межэтнических конфликтов заявления о невозможности совместного проживания, итогом которых стало ультимативное требование о выселении всех 110 курдских семей, которые проживают в этом населенном пункте [7]. После многочасовых совместных переговоров между аксакалами двух народов было принято решение составить список тех, кто все-таки будет выселен из с. Петровка по так называемым “отрицательным мотивам”. Этот список был составлен всем сходом односельчан и передан в акимат Московского района и старейшине курдских представителей.

Глава Московской районной госадминистрации К. Сыйданов от комментариев отказался, отметив, что “говорить о каких-либо больших успехах еще рано, а переговоры, которые продолжаются, очень трудные, сложные, и это результат многолетнего накопления проблем и вопросов, в том числе морально-этических” [8].

О том, что конфликтная ситуация в Петровке перешла в стадию криминализации и распространилась даже на подростковую среду свидетельствовали заявления директора общественного объединения “Межкультурное образование” Л. Карагуловой. Она отметила, что “наиболее ужасающая обстановка предстала перед нами в с. Беловодском, Петровке и Сокулук”. В качестве одной из причин сложившейся ситуации директор объединения назвала внутреннюю миграцию. “Идет неприятие культур севера и юга. Из Баткенской, Джалал-Абадской и Ошской областей приезжают безграмотные подростки, не владеющие киргизским и русским языками. Их общение происходит на диалекте. Между детьми часто происходят бытовые, межэтнические конфликты, криминальные разборки” [9].

Экс-руководитель Ассамблеи народа Кыргызстана Ж. Тюменбаева заявила тогда, что возникшей ситуацией в с. Петровка “в своих коммерческих и политических целях воспользовались посторонние силы” [5].

Конфликт перешел в стадию политизации. Об этом свидетельствовали заявления представителей ряда политпартий, представителей Жогорку Кенеша Киргизской Республики. Уже в первые дни фракция Социал-демократической партии Кыргызстана (СДПК) потребовала, в частности, немедленной отставки министра внутренних дел, полагая, что он разжигает междуна-

циональную рознь. Поводом для обвинений в адрес главы МВД послужило его высказывание, в котором он удивился, почему киргизы переполошились из-за одной пострадавшей русской девочки, якобы подвергшийся насилию со стороны этнического курда в с. Петровка. Парламентская фракция социал-демократов выступила с критикой властей “за полумеры, принятые в связи с ситуацией в Петровке”. Депутаты от фракции меньшинства заявили, что “главной причиной произошедших событий является коррумпированность системы органов прокуратуры, милиции и местных органов власти” [10]. Один из лидеров оппозиции Т. Сариев (партия “Ак-Шумкар”) заявил, что “задержанием и арестами таких активных политиков, как Э. Булекбаев, У. Рыскулов и С. Аргынбаев, проблемы в межнациональных отношениях в Кыргызстане не решить” [11]. “То, что происходило и происходит в селе Петровке Чуйской области Кыргызстана, конечно, заставляет переживать каждого кыргызстанца, – отметил Т. Сариев. К сожалению, вместо того, чтобы объективно и быстро урегулировать сложившуюся ситуацию, правоохранительные органы начали давать противоположные комментарии и тем самым вводить население в заблуждение. Вместе с тем тема межнациональных отношений – очень деликатная и хрупкая. При решении подобных вопросов нужна сдержанность” [11].

Ситуацией в Петровке воспользовались лидеры ряда оппозиционных партий и движений. Оппозиция и правоохранительные органы Кыргызстана обвиняли друг друга в провокациях, повлекших за собой попытки повторения массовых беспорядков в селе Петровке. В село Петровку Московского района Чуйской области Кыргызстана прибыл лидер оппозиционной партии зеленых Э. Булекбаев. Он предложил сельчанам потребовать от властей отставки ряда представителей силового блока, освобождения всех задержанных при подавлении массовых беспорядков, перекрыть трассу Бишкек – Ош и устроить мирный пеший марш к столице страны.

Объединенное народное движение Кыргызстана присоединилось к требованиям об отставке министра внутренних дел КР М. Конгантиева. В ОНД заявили, что “попытки сокрытия органами правопорядка страшного преступления, совершенного три недели назад, повлекло волнения и беспорядки в селе Петровке Московского района 26–27 апреля 2009 г.” [12]. Оппозиция назвала инцидент “результатом срачивания правоохранительных органов с криминальными элементами, преступным бездействием местных органов власти в решении чаяний и нужд граждан” [12].

Точку зрения социал-демократов разделяли и правозащитники. Так, Т. Уметалиева заявила, что “из-за подобных высказываний Россия должна объявить М. Конгантиева персоной нон-грата”. По мнению Т. Исмаиловой, глава МВД КР возглавляет институт, который покушается на абсолютное право граждан – на жизнь. “Руками милиции сейчас производится раздел ресурсов и политики”, – подчеркнула Т. Исмаилова [13].

Парламент Киргизстана был вынужден пойти на создание специальной комиссии по расследованию ситуации в селе Петровка и делегировать в нее пять членов фракции от правящей в тот период партии “Ак Жол”, добавив затем по одному представителю от Партии коммунистов и СДПК. Для стабилизации ситуации Ассамблеей народа Киргизстана также была создана комиссия из представителей различных этнических объединений. Ж. Тюменбаева заявила, что возникшей ситуацией в селе Петровке “в своих коммерческих и политических целях воспользовались посторонние силы”. “Они это сделали. В результате курдские старейшины сейчас рассматривают возможность выселения одной или нескольких семей, доставивших наибольшие проблемы своим соседям” [5].

В свою очередь, старейшины, представленные курдами, также обратились к местным властям с просьбой быть объективными. “Если среди нас оказался один негодяй, почему должны страдать десятки других ни в чем не повинных людей?” [14].

Спустя почти год после локального межэтнического конфликта в Петровке ряд наблюдателей усмотрели в трагических событиях 7–9 апреля 2010 г., связанных со свержением режима К. Бакиева, отголоски тех событий. По мнению экспертов, “прослеживается схожесть с некоторыми событиями недавнего прошлого, имевшими этническую подоплеку – Балыкчы, Петровка, Ноокат, Искра, Наверное, некоторые знают, кто из окружения Президента, да и не только там, но среди сил за пределами страны, могли быть сценаристом межэтнического накала, открывающего возможности разделять и властвовать” [15]. Наблюдатели отмечают “безнаказанность или избирательную ответственность в перечисленных делах. За погромы в Искре, якобы, не могли определить нарушителей при массовых погромах, но легко нашли составы преступлений единичных оборонявших свои дома (самооборона на фоне бездействия власти). Плохое управление (безответственность и бездействие) в Петровке списали на оппозицию” [15].

Один из руководителей Временного правительства Киргизстана А. Атамбаев, выступая на

митинге своих сторонников 15 мая 2010 г., заявил, что в стране есть силы, заинтересованные в разжигании “локальных этнических конфликтов”.

18 мая 2010 г. жители Ала-Букинского района призвали новые власти “не допустить провокаций на межнациональной почве” [16]. Около двух тысяч человек вышли на митинг с требованием “пресекать любые попытки межнациональных и межэтнических провокаций”. Информационное агентство “24.kg” со ссылкой на государственную администрацию района сообщало, что “в последние дни неизвестные, объединившись в группы, пытались устроить акции, выкрикивая националистические лозунги”. Координатор партии “Ата-Мекен” А. Текебаев заявил: “В последние дни в некоторых районах Джалал-Абадской области неизвестные ... пытаются спровоцировать межэтнические конфликты. Люди правы, требуя от милиции пресекать такие действия на корню” [16].

Важно отметить, что, несмотря на неоднократные сообщения о межэтнических столкновениях в Киргизстане и усиленное внимание к ним со стороны местных СМИ, международных организаций и политсообщества страны, внутренние межэтнические конфликты до сих пор не включены в состав угроз национальной безопасности Киргизской Республики.

Рассмотренные нами примеры возникновения локальных межэтнических конфликтов и расширения их масштабов очевидно свидетельствуют о том, что необходимым элементом системы раннего предупреждения и разрешения локальных межэтнических конфликтов является адресная работа с субъектами управления локальными конфликтами (работниками региональных органов власти; сотрудниками правоохранительных органов) и с группами, влияющими на их разрешение: представителями средств массовой информации; работниками сферы образования, вовлеченными сторонами: лидерами местного сообщества и этнических диаспор.

Обучающие программы для каждой категории должны обязательно включать:

- интерактивные формы, позволяющие сформировать отношение к конфликту как сигналу о необходимости изменений и установки на его позитивное разрешение;
- сведения о специфических характеристиках менталитета, вехах истории и культурных ценностях различных этнических групп;
- информацию о технологиях разрешения и предотвращения локальных конфликтов, которые могут использовать представители каждой из групп в своей повседневной деятельности.

Систематизация полученных результатов позволяет выделить основные направления деятельности, в осуществлении которой должны быть задействованы, главным образом, возможности региональных органов власти, общественных организаций республики. В итоге комплекс мер должен быть направлен на недопущение возникновения межэтнической напряженности.

Проведение профилактико-предупредительных мер, включающих:

↪ активизацию деятельности общественных, в том числе национальных движений, направленную на своевременное реагирование и предотвращение конфликтов на бытовом уровне; создание Этнического совета, действующего при региональных органах власти и включающего представителей общественных организаций, в задачи которого входит в том числе и недопущение конфликтных ситуаций;

↪ организацию политического просвещения населения, повышения уровня его политической культуры;

↪ использование авторитета старейшин в качестве традиционного института достижения межэтнического согласия;

↪ проведение мониторинга этнополитической и социально-экономической ситуации в республике, выработку на основе полученных данных социально ориентированной региональной политики;

↪ активное использование интеллектуального потенциала системы высших учебных заведений для разработки прогнозов развития ситуации и предложений по стабилизации обстановки, межсубъектной интеграции.

Главный вывод, который следует из описания и анализа опыта этноконфликтологического обучения, заключается в том, что важным фактором предупреждения конфликта является его восприятие потенциальными субъектами конфликта. Если они перестают воспринимать конфликт как угрозу и начинают относиться к нему как к сигналу, говорящему о том, что надо что-то изменить, то они осознают необходимость введения новаций. Понимание того, что ценность конфликтов заключается в предотвращении оостенения системы, что конфликт – это стимул к изменениям, вызов, требующий творческой реакции, помогает занять конструктивную позицию. Особенно это важно для государственных и муниципальных служащих, в прямые обязанности которых входит недопущение деструктивных конфликтов. Установка на то, что “конфликт может быть управляем, причем управляем таким

образом, что его негативные, деструктивные последствия могут быть минимизированы или элиминированы, а конструктивные возможности усилены” [17, с. 40], способствует главному в управлении конфликтом – как можно более ранней разработке адекватных технологий его предупреждения и разрешения.

Умение анализировать проблемы межэтнических отношений, способность органов власти разрешать конфликты различных типов, использовать технологии предупреждения и разрешения конфликтов на ранних стадиях их возникновения должна стать одним из критериев эффективности государственного и муниципального управления.

Литература

1. Хопёрская Л., Харченко В. Локальные межэтнические конфликты на юге России: 2000–2005 гг. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.
2. Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. Опыт социологического анализа. – Владикавказ, 2002.
3. Лыскова Л. Этнополитические процессы в Центральноазиатском регионе в условиях нового миропорядка. – Бишкек, 2007.
4. URL: <http://89.108.120.121/community/68939-nargiza-abdyldaeva-odin-iz-svidetelej-po-delu-o.html>
5. URL: <http://89.108.120.121/community/49902-2009/04/28/112966.html>
6. URL: <http://www.24.kg/community/print>
7. URL: <http://www.trend.az:8080/print/1462430.html> 28/04-2009
8. URL: <http://pravda.kg/forum/index.php?show-topic=814&pid>
9. URL: <http://www.24.kg/community/65845-v-shkolax-kyrgyzstana-idet-process-kriminalizacii.html>
10. URL: http://www.sdpk.info/ru/PressCenter/Statements/item_40
11. URL: <http://www.24.kg/politic/49882-2009/04/28/112945.html>
12. URL: <http://89.108.120.121/community/49881-2009/04/28/112944.html>
13. URL: <http://www.kyrgyznews.com/news.php?readmore=3362>
14. URL: <http://www.lenta.ru/news/2009/04/28/ak-sakal>
15. URL: <http://prava.kloop.kg>
16. URL: <http://www.24.kg/community/74167>
17. Гришина Н. Психология конфликта. – СПб., 2002.